

КНИГА
О ЛЮБВИ,
ОТЧАЯНИИ
И
НАДЕЖДЕ

АНЬЕС МАРТЕН-ЛЮГАН

*Счастливые люди
гитаят книжки
и пьют кофе*

[roman]

CoRpus

ФРАНЦУЗСКИЙ БЕСТСЕЛЕР 2013 ГОДА

Аньес Мартен-Люган

**Счастливые люди читают
книжки и пьют кофе**

«Corpus (ACT)»

2013

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мартен-Люган А.

Счастливые люди читают книжки и пьют кофе / А. Мартен-Люган — «Corpus (АСТ)», 2013

ISBN 978-5-17-084298-8

“Счастливые люди читают книжки и пьют кофе” – роман со счастливой судьбой. Успех сопутствовал ему с первой минуты. Тридцатилетняя француженка Аньес Мартен-Люган опубликовала его в интернете, на сайте Amazon.fr. Через несколько дней он оказался лидером продаж и очень скоро вызвал интерес крупного парижского издательства “Мишель Лафон”. С момента выхода книги в июле 2013 года читательский интерес к ней неуклонно растет, давно разошелся полумиллионный тираж, а права на перевод купили 18 стран. Потеряв в автомобильной катастрофе мужа и маленькую дочку, Диана полностью утратила интерес к существованию. Перестала работать, выходить из дому, отвечать на телефонные звонки. Чтобы остаться наедине со своим горем, она уезжает из Парижа в глухую ирландскую деревушку, не подозревая, что именно там ей предстоит заново учиться жить и любить.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-084298-8

© Мартен-Люган А., 2013
© Corpus (АСТ), 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аньес Мартен-люган

Мартен-Люган, Аньес. Счастливые люди читают книжки и пьют кофе

© Éditions Michel Lafon, Paris, 2013

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

Гийому и Симону-Адероу, для которых я живу

Нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и обратиться к врачу для ее лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Зигмунд Фрейд

Печаль и Меланхолия

Глава первая

– Мам, ну пожалуйста!..
– Нет, Клара, я сказала “нет”.
– Да ладно, Диана. Отпусти ее со мной.
– Колен, не морочь голову. Если Клара пойдет с тобой, вы провозитесь невесть сколько, и в ближайшие три дня мы на каникулы не уедем.

– Пошли с нами, проследишь, чтобы мы не тянули!
– Ну уж нет. Видел, сколько мне нужно сделать?!
– Тем более. Я возьму с собой Клару и никто тебе не будет мешать.
– Ма-ам!
– Ладно, так и быть. Бегите! Быстро! С глаз моих долой.

Они помчались, толкаясь, по лестнице.

Потом я узнала, что они продолжали валять дурака в машине, когда в нее врезался грузовик. Я сказала себе, что они умерли смеясь. И еще, что я хотела бы быть там, вместе с ними.

И вот уже год, как я ежедневно твержу себе, что лучше бы я умерла вместе с ними. Но сердце продолжает упорно биться. И поддерживать во мне жизнь. К великому моему несчастью.

Съездившись на диване, я уставилась на завитки дыма над сигаретой, и тут открылась входная дверь. Теперь Феликс не ждал приглашения. Он просто заявлялся без предупреждения, ну или практически без него. Каждый день. И зачем я дала ему запасные ключи?!

Он вошел, я вздрогнула, и пепел просыпался на пижаму. Я быстро сдула его на пол. Чтобы не видеть, как Феликс принимается за каждодневную уборку, я отправилась на кухню подзарядиться кофе.

Когда я вернулась, все оставалось на местах. На низеньком столике по-прежнему громоздились переполненные окурками пепельницы, пустые чашки, коробки из-под доставленной еды и бутылки. Феликс сидел нога на ногу и в упор смотрел на меня. Увидев его таким серьезным, я на секунду растерялась, но больше всего меня поразил Феликсов наряд. Почему он в костюме? Где его вечные дырявые джинсы и обтягивающие майки?

– Куда это ты собрался? На свадьбу или на похороны?

– Который час?

– Это не ответ на мой вопрос. Плевать мне, который час. Ты вырядился, чтобы снять очередного красавца-мажора?

– Предпочел бы. Но уже два часа, так что иди умывайся и одевайся. Не пойдешь же ты туда в таком виде.

– Куда это я должна, по-твоему, пойти?

– Поторопись. Твои родители и родители Колена будут нас ждать. Мы должны быть там через час.

По телу пробежала дрожь, руки затряслись, комок желчи подкатил к горлу.

– И речи быть не может, на кладбище я не пойду.

Слышишь?

– Ради них, – мягко попросил он. – Сегодня ты должна пойти, ведь исполняется ровно год, тебя все поддержат.

– Не нужна мне ничья поддержка. Я отказываюсь идти на эту дурацкую церемонию. Вы что, полагали, будто я захочу отпраздновать их смерть?

Мой голос дрогнул, покатались первые за день слезы. Сквозь туман я увидела, как Феликс встал и подошел ко мне. Он обнял меня и крепко прижал к груди.

– Диана, ну пожалуйста, пойді. Ради них.

Я с силой оттолкнула его.

– Ты что, плохо соображаешь? Я же сказала, что не пойду. Убирайся, – завопила я, заметив, что он намеревается снова шагнуть ко мне.

Я побежала в спальню. Руки дрожали, но я все же ухитрилась повернуть ключ на два оборота. И свалилась на пол, прислонившись спиной к двери, подтянув коленки к груди. Воцарившуюся в квартире тишину нарушил вздох Феликса.

– Зайду вечером.

– Не хочу тебя больше видеть.

– Хотя бы заставь себя помыться, иначе я собственноручно суну тебя под душ.

Его шаги удалились, потом хлопнувшая дверь известила меня о том, что он наконец ушел.

Долго-долго я продолжала лежать, ни о чем не думая, упершись головой в колени, а потом подняла глаза на свою кровать. С трудом поползла до нее на четвереньках, залезла и закуталась в одеяло. И как всякий раз, когда я оказывалась в постели, начала приноживаться, пытаюсь уловить запах Колена. Он в конце концов улетучился, хоть я и не перестилала с тех пор простыни. Мне нужно было хотя бы еще раз ощутить его, чтобы забыть запах больницы, смерти, пропитавший его кожу, когда я в последний раз уткнулась головой ему в шею.

Я хотела уснуть – возможно, сон поможет мне забыть. Год назад, когда в сопровождении Феликса я приехала в больницу скорой помощи, мне заявили, что всё, слишком поздно, моя дочка умерла в машине. Врачи подождали, пока у меня закончится приступ рвоты, после чего объявили, что Колену осталось жить несколько минут или в лучшем случае несколько часов. И если я хочу с ним попрощаться, мне не стоит терять время. Мне бы завопить, прокричать им, что они врут, но я была не в состоянии. Я вдруг оказалась в центре полновесного кошмара, и мне захотелось поверить, что я вот-вот проснусь. Но медсестра повела нас к боксу, куда положили Колена. Каждое произнесенное слово, каждый жест с момента, как я вошла в эту комнату, отпечатались в моей памяти. Там на кровати лежал Колен, подключенный к аппаратам, которые громко шумели и мигали огоньками. Он едва шевелился, лицо было в кровоподтеках. Это зрелище парализовало меня на несколько минут. Феликс вошел вслед за мной, и его присутствие помешало мне отключиться. Голова Колена медленно повернулась ко мне, его глаза заглянули в мои. Он даже нашел в себе силы, чтобы выдать намек на улыбку. И эта улыбка позволила мне подойти к нему. Я взяла его за руку, и он сжал мои пальцы.

– Ты должна быть с Кларой, – с трудом произнес он.

– Колен, Клара...

– Она в операционной, – резко перебил меня Феликс.

Я подняла голову. Избегая моего взгляда, он улыбнулся Колену. У меня зашумело в ушах, каждую клетку тела пронизала дрожь, глаза затуманились. Я почувствовала, что рука Колена сжимает мою руку сильнее. Я смотрела на него, а он в это время слушал рассказ Феликса о Кларе: тот объяснял, что Клара выкарабкается. Эта ложь грубо вернула меня к действительности. Рвущимся голосом Колен сказал, что не видел грузовика – он распевал с Кларой песню. Я потеряла дар речи. Наклонившись к нему, я провела рукой по его волосам, по лбу. Его лицо снова обратилось ко мне. Я смотрела на него сквозь слезы, оно расплывалось. Он уже уходил. Я задыхалась. Он поднял руку и положил ладонь мне на щеку.

– Ш-ш-ш, любимая, – сказал он. – Успокойся.

Слышала, что говорит Феликс? Ты понадобишься Кларе.

Мне не удалось отвести глаза, в которые он впился взглядом, полным надежды на спасение нашей дочки.

– А как же ты? – с трудом выдавила я.

– Главное – она, – сказал он, стирая с моей щеки слезу.

Мои рыдания удвоились, и я прижалась лицом к его пока еще теплой ладони. Он был еще здесь. Еще. Я цеплялась за это “еще”.

– Колен, я не могу тебя потерять, – прошептала я.

– Ты не одна, у тебя есть Клара, и Феликс позаботится о вас обеих.

Я покачала головой, не решаясь взглянуть на него.

– Все будет хорошо, ты будешь храброй, ради нашей девочки...

Его голос неожиданно угас, я запаниковала и подняла голову. Он выглядел невероятно усталым. Последние силы он потратил на меня, как всегда. Я с силой обняла его и поцеловала, и он ответил на поцелуй той каплей жизни, которая еще оставалась в нем. Потом я легла, вытянувшись вдоль его тела, тесно прижалась, помогла ему положить голову мне на плечо. Пока Колен был в моих объятиях, он не мог меня покинуть. Он в последний раз прошептал, что любит меня, я едва успела ему ответить, а потом он мирно уснул. Я провела с ним несколько часов, прижимая его к себе, баюкая, целуя, вдыхая его. Родители попытались увести меня, я заорала. Родителям Колена, которые пришли попрощаться с сыном, я не позволила до него дотронуться. Он был только моим. Лишь терпеливый Феликс заставил меня в конце концов сдаться. Он не пожалел времени, чтобы успокоить меня, и только после этого напомнил, что я должна попрощаться с Кларой. Моя дочка всегда была единственным существом на земле, способным разлучить меня с Коленом. И смерть ничего не изменила. Мои руки разжались и выпустили его тело. Я в последний раз прижала губы к его губам и ушла.

В коридоре, ведущем к Кларе, меня накрыл туман. Я среагировала только перед дверью.

– Нет, – сказала я Феликсу. – Я не могу.

– Диана, ты должна пойти к ней.

Не отводя глаз от двери, я сделала несколько шагов назад, а потом быстро побежала по больничным коридорам. Я отказывалась видеть свою дочку мертвой. Я хотела помнить только ее улыбку, только спутанные золотистые локоны, летающие вокруг лица, только искрящиеся озорством глаза, как это было в тот день утром, когда она ушла с отцом.

Сегодня, как и в каждый день прошедшего года, тишина оставалась полновластной хозяйкой нашей квартиры. В ней больше не было музыки, смеха, бесконечных разговоров.

Ноги автоматически привели меня к Клариной комнате. Все в ней было розовым. В тот момент, когда я узнала, что у нас будет дочка, я приняла решение: весь декор должен быть в этой гамме. Колен прибегал к нелепым уловкам, чтобы заставить меня передумать, но я не сдалась.

С тех пор я ничего здесь не тронула, и все оставалось, как прежде: одеяло, смятое комком, игрушки, разбросанные по всем углам, валяющаяся на полу ночная сорочка, чемоданчик на колесиках, в который она сложила своих кукол перед поездкой. Недоставало лишь двух ее любимых мягких игрушек: той, с которой она ушла, и той, с которой я теперь спала.

Тихо закрыв дверь, я направилась к гардеробу Колена. Вынула новую рубашку.

Едва успев закрыться в ванной, чтобы принять душ, я услышала, что Феликс вернулся. В ванной зеркало было завешено большой простыней, на пустых полочках оставались только флаконы духов Колена. Никаких женских мелочей – ни косметики, ни кремов, ни украшений.

Холодный кафельный пол не вызвал у меня реакции, плевать я на него хотела. Вода стекала по телу, не доставляя удовольствия. Я налила на ладонь немного Клариного клубничного шампуня. Его сладкий аромат вызвал у меня слезы и одновременно принес мрачное успокоение. Можно было начинать привычный ритуал. Я сбрызнула кожу туалетной водой Колена, и это был первый защитный слой. Потом застегнула пуговицы его сорочки – второй защитный слой. Натянула его толстовку с капюшоном – третий слой. Скрутила узлом мокрые волосы, чтобы сохранить клубничный запах, создав четвертый уровень защиты.

В гостиной объедки и грязная посуда исчезли, окна были открыты, а на кухне, похоже, шла битва. Перед тем как зайти к Феликсу, я снова закрыла окна и задернула шторы. Темнота – моя лучшая подруга.

Феликс сунул нос в морозилку. Я привалилась к притолоке и наблюдала за ним. Он снова был в своей вечной униформе и вертел попой, насвистывая.

– Можно узнать, что привело тебя в такое настроение?

– Последняя ночь. Вот приготовлю ужин и все тебе расскажу.

Он повернулся и уставился на меня. Потом подошел и глубоко вдохнул несколько раз подряд.

– Перестань обнюхивать меня, словно собака, – сказала я.

– Пришло время это прекратить.

– А что тебя не устраивает? Я вымылась.

– Давно пора было.

Он поцеловал меня в щеку и вернулся к своим занятиям.

– С каких это пор ты умеешь готовить?

– Я не готовлю, я использую микроволновку.

Найти бы что-нибудь аппетитное, и можно будет перекусить. Но твой холодильник хуже, чем пустыня Гоби.

– Хочешь есть – закажи пиццу. Ты не способен приготовить еду. У тебя не получится даже замороженное готовое блюдо.

– Поэтому вы с Коленом меня и кормили последние десять лет. Пицца – гениальная идея, так я смогу уделить тебе больше времени.

Я рухнула на диван. Теперь меня ждет полное описание фантастической Феликсовой ночи. Надо быстренько налить бокал красного. Феликс уселся напротив и кинул мне свои сигареты. Я тут же закурила.

– Родители велели тебя поцеловать.

– Очень рада, – ответила я, выдыхая дым ему в лицо. – Но это не обязательно.

– Они беспокоятся о тебе.

– Совершенно напрасно.

– Они хотят повидать тебя.

– А я не хочу. Вообще-то тебе повезло: ты единственный, кого я еще терплю.

– Я незаменим, тебе не обойтись без меня.

– Феликс!

– Ну и ладно, если настаиваешь, я тебе расскажу про вчерашний вечер во всех подробностях.

– Ой нет, что угодно, только не твоя сексуальная жизнь.

– Определись наконец, что ты предпочитаешь.

Или мои безумства, или твои родители.

– О'кей, давай выкладывай.

На смачные детали Феликс не поспешил. Для него жизнь представляла собой нескончаемый праздник, расцвеченный сексом без тормозов и употреблением препаратов, которые он тестировал одним из первых. Начав рассказывать свои истории, он даже не ждал от меня реакции, просто говорил и говорил безостановочно. Раздался звонок в дверь, но он все равно не замолчал.

Курьер тоже был осчастливлен рассказом о том, как Феликс завлек в постель двадцатилетнего студента. Еще одного, чье обучение он взял на себя.

– Видела бы ты его, этого милого малыша, сегодня утром! Он разве что не умолял меня снова заняться им. Мне даже жалко его стало, – сказал он, делая вид, что утирает слезу.

– Ты отвратителен.

– Я его предупреждал, но что ты хочешь, стоит разок попробовать Феликса – и все, ты подсел.

Я успела откусить пару кусочков пиццы, а он уже съел столько, что чудом не лопнул. И по-прежнему не собирался уходить. В какой-то момент он неожиданно замолчал, потом собрал остатки ужина и исчез на кухне.

– Диана, ты меня не спросила, как все прошло сегодня.

– Мне не интересно.

– Нет, это уже чересчур! Как можно быть такой равнодушной?

– Заткнись, я вовсе не равнодушная. Запрещаю тебе так говорить, – закричала я, вскочив с дивана.

– Черт возьми, посмотри на себя, ты превратилась в настоящую развалину. Ничем не занимаешься. Не работаешь. Вся твоя жизнь сводится к сигаретам, вину и сну. Из квартиры ты сделала храм. Нет сил видеть, как ты с каждым днем опускаешься все ниже и ниже.

– Никому не понять...

– Наоборот, все понимают, как тебе тяжело.

Но это не причина, чтобы уморить себя. Вот уже год, как их нет, пора начинать жить. Борись, борись ради Колена и Клары.

– Я не умею бороться, да и не имею, кстати, ни малейшего желания.

– Разреши тебе помочь.

Выносить это я больше не могла и потому заткнула уши и закрыла глаза. Феликс обнял меня и снова усадил. Пришлось в очередной раз терпеть его удушающие объятия. Никогда не могла понять, зачем нужно с такой силой обхватывать меня.

– Почему бы нам с тобой не пойти куда-нибудь сегодня вечером? – предложил он.

– Ты так ничего и не понял, – возразила я, все же прижимаясь к нему помимо собственной воли.

– Выйди из дому, пообщайся со знакомыми.

Нельзя же все время торчать взаперти. Пойдем завтра в “Счастливых людей”.

– Да плевать мне на “Счастливых людей”!

– Тогда давай где-нибудь отдохнем вместе.

Я могу на время закрыть кафе. В нашем квартале вполне проживут без него несколько недель.

– Я не нуждаюсь в каникулах.

– А я уверен, что нуждаешься. Посмеемся вдвоем, я буду заниматься тобой двадцать четыре часа в сутки без перерыва. Именно это тебе и нужно, чтобы встать на ноги.

Он не увидел, как широко раскрылись мои глаза при мысли, что он будет круглосуточно меня доставать.

– Хорошо, давай я подумаю, – сказала я, чтобы успокоить его.

– Обещаешь?

– Да. А теперь я хочу спать, уходи.

Он отпечатал на моей щеке звучный поцелуй, а потом вытащил из кармана телефон. Пролистал адресную книгу впечатляющих размеров, а потом позвонил какому-то Стивену, или Фреду, или Алексу. Придя в возбуждение от мыслей об ожидающих его ночных безумствах, он наконец-то оставил меня в покое.

Я встала, закурила и направилась к входной двери. Он прекратил разговор с собеседником, чтобы в последний раз поцеловать меня и шепнуть мне на ухо “до завтра, но не рассчитывай увидеть меня слишком рано – сегодня должно быть жарко”. Вместо ответа я закатила глаза. Завтра утром “Счастливые люди” опять не откроются вовремя. Меня это мало волновало. Литературным кафе я занималась в другой жизни.

Феликс доконал меня. Я, конечно, его очень люблю, но выносить его весьма тяжело.

Лежа в постели, я снова и снова прокручивала сказанное им. Похоже на то, что он полон решимости растормошить меня, заставить действовать. Нужно срочно найти способ избежать этого. Когда у Феликса возникают подобные идеи, его ничто не остановит. Он хочет, чтобы мне стало лучше, а я этого не хочу. Что же придумать?

Глава вторая

Скоро неделя, как он запустил проект “Вытащим Диану из депрессии”. На меня обрушился мощный поток предложений – одно нелепее другого. Давление достигло пика, когда Феликс выложил на низкий столик буклеты турагентств. У меня не было сомнений насчет его замысла: поездка в солнечные края со всем, что из этого вытекает. То есть с клубом туристов, шезлонгами, пальмами, коктейлями с поддельным ромом, загорелыми блестящими телами, аквааэробикой, где можно пялить глаза на тренера, – словом, мечта Феликса и мой кошмарный сон. Курортники, толпящиеся на крохотном пляже или в вечерних нарядах сражающиеся у стойки за ужином, чтобы не дать соседу, храпящему по ночам за стенкой, завладеть последней сосиской. Тошнота подкатывает к горлу при мысли обо всех этих “счастливых людях”, добровольно подвергающих себя испытанию десятичасовым перелетом в тесном самолетном салоне с орущими детьми.

Вот почему я ворочалась с боку на бок, курила одну сигарету за другой, так что начало саднить горло. Сон перестал быть моим убежищем – его прочно оккупировал Феликс в плавках, заставляющий меня танцевать сальсу в ночном клубе. Он не отступится, пока я не сдамся. Мне необходимо сбежать, выбить у него почву из-под ног, успокоить и одновременно избавиться от него. Остаться дома нельзя.

Уехать, свалить из Парижа насовсем – единственно возможное решение. Отыскать затерянный уголок, куда он за мной не последует.

Вылазка в мир живых стала неизбежной: мои шкафы и холодильник безнадежно опустели. Я нашла в них только пачки просроченного печенья – Кларины полдники – да пивные бутылки Колена. Одну из них я достала, долго вертела в руках, пока не решилась открыть. Я вдыхала аромат, словно это было драгоценное марочное вино. Потом сделала глоток, и тут нахлынули воспоминания.

У нашего первого поцелуя был вкус пива. Сколько раз мы над этим смеялись? В двадцать лет мы не страдали избытком романтизма. Колен пил только темное пиво, что хорошего в светленьком, говорил он, как бы намекая на то, что я блондинка, и словно недоумевал, чем я его привлекла, за что неизменно получал по шапке.

Однажды пиво даже вмешалось в выбор места, куда можно поехать в отпуск. Колену хотелось провести несколько дней в Ирландии. Позже он утверждал, что дождь, ветер и холод вынудили его отказаться от этой идеи. На самом деле он хорошо знал мое пристрастие к солнцу и загару и потому решил избавить меня от необходимости ежедневно ходить в ветровке и не стал навязывать отдых, который мне наверняка не понравится.

Бутылка выпала у меня из рук, и мелкие осколки разлетелись по плиточному полу.

Сидя за столом Колена, я вглядывалась в атлас, открытый на карте Ирландии. Как выбрать себе могилу под открытым небом? Какое окружение способно принести мне умиротворение и спокойствие, необходимые для свидания с Коленом и Кларой? Поскольку я не знала об этой стране вообще ничего и была не в состоянии что-либо выбрать, я в конце концов зажурилась и наугад ткнула пальцем.

Потом приоткрыла один глаз и наклонилась к карте. Отняв от нее палец, я подключила и другой глаз, чтобы расшифровать название. Так я выбрала наугад самую маленькую деревеньку, ее название на карте едва можно было прочесть. “Малларанни”. Итак, я отправлюсь в изгнание в Малларанни. Настало время поставить Феликса в известность о том, что я уезжаю в Ирландию и буду там жить. Чтобы собраться с духом, мне понадобилось три дня. Мы только что поужинали, я заставила себя проглотить несколько кусков, чтобы он не приставал. Развалившись в кресле, он листал один из проспектов.

– Феликс, оставь в покое свои брошюры.

– Ты выбрала?

Он вскочил и потер руки:

– Куда мы едем?

– Насчет тебя не знаю, а я переселяюсь в Ирландию.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал абсолютно естественно. Феликс ловил ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

– Успокойся.

– Издеваешься, да? Ты не можешь говорить всерьез. Кто тебе подкинул такую идею?

– Колен, представь себе.

– Ну все, приплыли, она свихнулась. Теперь ты еще скажешь, что он восстал из мертвых, чтобы сообщить тебе, куда ты должна ехать.

– Зачем ты говоришь гадости? Просто ему когда-то хотелось туда поехать, вот и все. И я поеду вместо него.

– Ну уж нет, ты туда не поедешь! – В голосе Феликса звучала непоколебимая уверенность.

– Почему это?

– Нечего тебе делать в стране, где живут одни... одни...

– Одни кто?

– Одни регбисты, пожиратели баранины.

– Тебе не нравятся регбисты? Вот так новость!

Раньше они тебя скорее заводили. А ты что, считаешь, будто лучше отправиться в Таиланд, чтобы надираться на пляже под луной и вернуться с татуировкой *Forever Brandon* на левой ягодице?

– Один – ноль... Ну, ты и стерва. Но это несравнимые вещи. Тебе и так плохо, а после этой поездки тебя уже никто не вылечит.

– Прекрати. Я решила, что отправлюсь в Ирландию на несколько месяцев, и даже не попытайся меня отговорить.

– Не рассчитывай, что я поеду с тобой.

Я встала и принялась наводить порядок – класть на место все, что попадалось под руку.

– Тем лучше, потому что я и не думала тебя приглашать. Надоело, что за мной по пятам все время бегают верный песик. Хватит! Ты не даешь мне вздохнуть! – заорала я, глядя на него в упор.

– Постарайся осознать, что очень скоро я опять не буду давать тебе вздохнуть. – Он хихикнул, не отводя глаз, и спокойно зажег сигарету. – Хочешь знать почему? Потому что больше двух дней ты не выдержишься. Вернешься вся потерянная и будешь умолять отвезти тебя куда-нибудь к солнцу.

– Ни за что на свете. Думай, что хочешь, но я делаю это, чтобы вылечиться.

– Ты выбрала неправильный метод, но, по крайней мере, теперь ты на взводе, как часовая пружина.

– Тебя никакой приятель не ждет?

Мне было трудно выдерживать его инквизиторский взгляд. Он встал, подошел ко мне:

– Хочешь, чтобы я отправился отмечать твою очередную придурь?

Его лицо потемнело. Он положил ладони мне на плечи и впился в меня взглядом:

– Ты действительно хочешь выбраться?

– Конечно.

– То есть ты готова к тому, чтобы в твоих чемоданах не было ни одной сорочки Колена, ни одной игрушки Клары и чтобы там лежали только твои духи, и ничьи больше?

Я угодила в собственную западню. У меня болел живот, голова, кожа. Никак не спрятаться от его черных, словно уголь, глаз. Его пальцы мнут мои плечи.

– Конечно, я хочу вылечиться и буду потихоньку избавляться от их вещей. Что же ты не радуешься, сам ведь столько времени пытался уговорить меня это сделать. – Не знаю, каким чудом, но мой голос не дрогнул.

Феликс тяжело вздохнул:

– Ты безответственная, и у тебя не получится.

Колен никогда бы не позволил тебе затеять такое. Хорошо, согласен, ты действительно захотела что-то предпринять, чтобы выбраться, но откажись от своей идеи, пожалуйста. Мы придумаем что-нибудь получше. Я боюсь, как бы ты еще глубже не провалилась.

– Ни за что не откажусь.

– Пойди поспи, поговорим об этом завтра.

Он скорчил опечаленную мину, чмокнул меня в щеку и направился к двери, не произнеся больше ни слова.

В постели, закутавшись в одеяло и крепко прижимая к себе плюшевого мишку Клары, я пыталась укротить бешеное сердцебиение. Феликс ошибается, Колен отпустил бы меня одну за границу. С тем лишь условием, что сам бы занялся организацией поездки. Когда мы куда-нибудь отправлялись, он делал все – от заказа билетов до бронирования гостиницы и включая оформление моих документов. Он никогда бы не доверил мне ни мой, ни Кларин паспорт – он утверждал, будто я витаю в облаках. Но если так, разве он отпустил бы меня одну в Ирландию? Вообще-то, может, и не отпустил бы.

Я никогда не жила одна, из родительского дома сразу переехала к нему. Я боялась даже просто позвонить по телефону, чтобы получить какую-то информацию или высказать претензию. Колен умел делать все. Значит, нужно будет представить себе, будто он мной руководит. Он сможет гордиться мной. И если это станет одним из последних моих дел, перед тем как я окончательно себя похороню, я докажу всем, что в состоянии довести задуманное до конца.

Есть некоторые вещи, которые изменить невозможно, например, мою технологию сбора багажа. Шкаф опустел, а чемоданы набиты – вот-вот лопнут. Я и четверти этих шмоток потом не надену. Оставалось запастись книгами, так что придется сделать над собой усилие.

Когда я последний раз шла этой дорогой? Феликс упадет в обморок за стойкой, увидев меня. Меньше чем за пять минут я дошла до улицы Вьей-дю-Тампл. До моей улицы. Когда-то я проводила на ней все дни – на террасах кафе, в магазинах, галереях и на работе. Когда-то пребывание здесь само по себе наполняло меня счастьем.

Сегодня, спрятавшись за капюшоном Колено-вой толстовки, я старалась не смотреть ни на витрины, ни на здешних обитателей, ни на туристов. Я шла по мостовой, чтобы не наткнуться на эти чертовы фонарные столбы, из-за которых приходилось все время лавировать. Все было против меня, вплоть до восхитительного запаха горячего хлеба из булочной, куда я раньше постоянно заходила.

Рядом со “Счастливыми людьми” я замедлила шаг. Прошло больше года с тех пор, как я была здесь в последний раз. Я остановилась на тротуаре напротив, не решаясь поднять глаза. Не шевельнувшись и низко опустив голову, сунула руку в карман – мне срочно требовалась доза никотина. Кто-то толкнул меня, я невольно подняла голову и посмотрела на свое литературное кафе. Маленькая деревянная витрина, дверь по центру с привешенным внутри колокольчиком, название, которое я придумала шесть лет назад – “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе”, – все возвращало меня к жизни с Коленом и Klarой.

Утром в день открытия царил всеобщая паника. Ремонт не окончен, книги не распакованы. Феликс не пришел, и я сама сражалась с рабочими, пытаясь заставить их пошевеливаться. Колен звонил каждые четверть часа, спрашивая, будем ли мы готовы к началу вечеринки по случаю открытия. И всякий раз я глотала слезы и хохотала, как придурочная. Мой

дражайший компаньон, неотразимо прекрасный, объявился далеко за полдень, когда я уже была на грани истерики из-за того, что на фасаде до сих пор нет вывески.

– Феликс, где ты был? – завопила я.

– У парикмахера. Кстати, тебе бы не мешало сделать то же самое, – спокойно ответил он, с гримасой отвращения ухватив прядь моих волос.

– И когда, по-твоему, я могу к нему пойти? К вечеру ничего не готово, я с самого утра вру Колену, я же говорила, что ничего не получится, это место – настоящий троянский конь. Зачем родители и Колен послушались меня и позволили открыть литературное кафе? Я больше этого не хочу.

Мой голос взлетел до визга, и я снова забегала по залу. Феликс выставил всех рабочих за дверь и вернулся ко мне. Он схватил меня за плечи и потряс, словно грушу:

– Стоп! С этого момента руковожу всем я. А ты иди готовься.

– У меня нет времени!

– Нельзя, чтобы кафе открывала ведьма!

Он подтолкнул меня к служебному входу, который вел в студию, снятую вместе с кафе. В ней я нашла новое платье и все необходимое, чтобы привести себя в порядок. Огромный букет роз и фрезий царил в вазе, стоящей посреди комнаты, прямо на полу. Я прочла записку Колена. Он писал, что безгранично верит в меня.

В результате вечеринка по случаю открытия удалась, хотя выручка приближалась к нулю.

Феликс сам назначил себя ответственным за кассу. Подмигивания и улыбки Колена придали мне храбрости. С Кларой на руках я переходила от столика к столику, приветствуя родных, друзей, коллег мужа, сомнительных Феликсовых знакомцев и владельцев ближайших лавок.

Сегодня, пять лет спустя, все изменилось. Колена и Клары больше со мной нет. Я не испытываю ни малейшего желания возвращаться к работе, и все здесь напоминает мне о муже и дочери. Гордость Колена, празднующего очередную победу в суде. Первые шаги Клары между столиками. Первый раз, когда она написала свое имя, сидя за стойкой с бокалом гренадина.

Рядом со мной на тротуаре обрисовалась тень. Феликс прижал меня к себе и стал баюкать:

– Тебе известно, что ты уже полчаса здесь торчишь? Пошли.

Я покачала головой.

– Ты же не просто так пришла, пора тебе возвращаться к “Людам”.

Он взял меня за руку и заставил перейти улицу. Он сжал мою руку сильнее, когда открывал дверь. Колокольчик звякнул и вызвал поток слез.

– Я тоже, как его слышу, всякий раз вспоминаю Клару, – признался Феликс. – Иди за стойку.

Я не сопротивлялась. Запах кофе, смешанный с запахом книг, ударил мне в ноздри. Сама того не замечая, я вдыхала его полной грудью. Рука скользнула по дереву стойки, и я почувствовала, что оно липкое. Я взяла чашку – грязная, взяла вторую – не намного чище.

– Феликс, тебя больше волнует чистота в моей квартире, чем в “Счастливых людях”. Здесь просто омерзительно.

– Так ведь я завален работой, мне некогда изображать образцовую домохозяйку, – пожал он плечами.

– Ну, конечно, здесь же полно народу, прямо час пик.

Он развернулся и направился к единственному клиенту, с которым, судя по тому, какие взгляды они бросали друг на друга, у него были самые близкие отношения. Потом парень допил свой стакан и ушел с книгой под мышкой, миновав кассу.

– Ну что, ты возвращаешься на работу? – спросил Феликс, налив себе вина.

– С чего ты взял?

- Ты явилась сюда, потому что хочешь снова взяться за дело, разве не так?
- Нет, и тебе это хорошо известно. Я просто зашла за книгами.
- То есть ты действительно уезжаешь? Но время еще есть, куда тебе торопиться.
- Ты меня не слушал. Я уезжаю через неделю и уже отправила подписанный договор об аренде.

- Какой договор? О какой аренде?
- Об аренде дома в деревне, где я буду жить.
- А ты уверена, что это удачный план?
- Нет, я ни в чем не уверена, пойму на месте.

Мы не отводили глаз друг от друга.

- Диана, ты не можешь вот так взять и бросить меня одного.
- Ты уже больше года вкалываешь без меня, а я отнюдь не образец успешного руководителя. Ладно, давай посоветуй, что мне почитать.

Он без всякого энтузиазма показал мне книги, которые ему понравились, и я, не раздумывая, взяла их, потому что мне вообще-то было наплевать. Об одной из них я слышала – “Городские истории” Армистеда Мопина. Их автор, по мнению моего лучшего друга, обладал даром решения любой проблемы. Не знаю, не читала. Феликс выкладывал книги на стойку по одной и избегал смотреть на меня.

- Я принесу их тебе домой, они слишком тяжелые.
- Спасибо. А теперь я тебя оставляю, у меня еще много дел.

Мой взгляд остановился на небольшом закутке за баром. Мне стало любопытно, и я подошла ближе. В рамку были вставлены фотографии Колена, Клары, Феликса и моя. Все было сделано очень тщательно. Я обернулась к Феликсу.

- Иди-ка ты домой, – мягко сказал он.

Он стоял у двери, я остановилась, легонько поцеловала его в щеку и вышла.

- Диана! Не жди меня сегодня вечером, я не приду.
- О’кей, тогда до завтра.

– Колен!

Сердце колотилось, кожа стала влажной, я шарила ладонями по постели рядом с собой. Но только холод и пустота на его обычном месте были мне ответом. И все же Колен здесь, он обнимает меня, его губы осыпают поцелуями мою шею, спускаются от уха к плечу. Его дыхание у меня на затылке, слова, которые он шепчет, наши переплетенные ноги. Я откинула простыню и опустила босые ступни на паркет. Огни города освещали квартиру. Шорох потрескивающего под моими шагами дерева напомнил мне звуки, раздававшиеся, когда Клара мчалась своими маленькими ножками к входной двери, заслышав, как Колен поворачивает в замке ключ.

Ритуал оставался неизменным каждый вечер. Мы сидели на диване, прижавшись друг к другу. Клара в ночной сорочке и я, сгорающая от нетерпения и желания как можно скорее снова увидеть мужа. Я выходила в прихожую. Колен едва успевал положить свои папки на полку, и Клара кидалась ему на шею. Я шла за ними по пятам, не зажигая света, и мы входили в гостиную. Колен оборачивался ко мне, я расслабляла узел его галстука, и мы целовались. Клара стояла между нами. Мы ужинали. Колен укладывал нашу дочку, и мы оставались вдвоем, спокойные, зная, что Клара лежит в тепле в своей кроватке, сунув большой палец в рот.

Только сейчас я осознала, что нашего дома больше нет. Я хотела остаться здесь, чтобы сохранить все, как было, но я ошиблась. Нет больше папок с бумагами, звяканья ключа в замке, топота ножек по паркетному полу. Никогда больше я сюда не вернусь. Три четверти часа на метро, после чего меня зажали в толпе перед лестницей, ведущей к выходу. С каждой ступенькой ноги становились все тяжелее. Вход был где-то совсем рядом со станцией метро, но где

именно, я не знала. Подойдя к решетчатой ограде, я сообразила, что нельзя прийти с пустыми руками. Зашла в ближайший цветочный магазин – их в этом районе было более чем достаточно.

– Мне нужны цветы.

– Вы попали по адресу! – улыбнулась в ответ цветочница. – По какому-то особому случаю?

– Вот туда, – сказала я, показав на кладбище.

– Хотите что-то классическое?

– Дайте мне две розы, этого хватит.

Она изумилась, но направилась к срезанным цветам.

– Белые, – попросила я. – Не заворачивайте, я возьму так.

– Но...

– Сколько с меня?

Я положила на прилавок купюру, вырвала у нее из рук розы и быстро вышла. Мой безумный бег прервался на посыпанной гравием главной аллее. Я вертелась во все стороны, оглядывалась, пытаюсь понять, где они. Потом снова вышла за ограду и буквально свалилась на землю. Стала лихорадочно набирать номер “Счастливых”.

– “Счастливые люди поддают и трахаются”, слушаю вас.

– Феликс, – выдохнула я.

– Что-то случилось?

– Представляешь, я не знаю, где они! Не могу их навестить.

– Кого ты хочешь навестить? Ничего не понимаю. Где ты? Почему ты плачешь?

– Колена и Клару.

– Ты... Ты на кладбище?

– Да.

– Стой на месте, сейчас буду.

Я была на кладбище всего один раз, в день похорон. Постоянно отказывалась туда идти. После того как я сбежала из больницы в день их смерти, я и в больницу не приезжала. Под исполненными ужаса взглядами моих и Коленовых родителей я объявила, что отказываюсь присутствовать при том, как их будут класть в гроб. Свекровь со свекром ушли, хлопнув дверью.

– Диана, ты окончательно сходишь с ума! – воскликнула моя мать.

– Мама, не могу я этого видеть, слишком тяжело.

Если они на моих глазах исчезнут в ящиках, это будет означать, что все кончено.

– Колен и Клара умерли, – ответила она. – И ты должна это принять.

– Замолчи! И я не поеду на похороны, не хочу смотреть, как они уходят.

Я снова зарыдала и повернулась к родителям спиной.

– Что-о-о? – поперхнулся отец.

– Это твой долг, – добавила мать. – Ты придешь и не будешь устраивать сцены.

– Долг? Вы говорите о долге? Да плевать я хотела на долг!

Я резко повернулась к ним. Ярость временно победила боль.

– Ну да, у тебя есть обязанности, и ты будешь их выполнять, – подтвердил отец.

– Да вам же глубоко наплевать на Колена, на Клару и на меня! Вам только важно соблюсти приличия. Важно соответствовать образу убитой горем семьи.

– Но мы и есть убитая горем семья, – возразила мать.

– Нет! Единственная известная мне семья, единственная моя настоящая семья – это та, которую я только что потеряла.

Я была на пределе, моя грудь вздымалась. Я не отрывала от них глаз. На одно короткое мгновение их лица исказились. Я искала в них хоть какой-то намек на раскаяние. Но нет, фасад оставался безупречно гладким.

– Ты не должна говорить с нами в таком тоне, мы – твои родители, – продекларировал отец.

– Катитесь! – заорала я, вытягивая палец в сторону двери. – Убирайтесь из моего дома.

Отец направился к матери, схватил ее за руку и потащил к двери.

– Будь готова вовремя, мы за тобой зайдем, – успела она сказать, перед тем как дверь захлопнулась.

Они явились, механически бездушные и точные, словно швейцарские часы. Они не услышали ничего из того, что я сказала.

Я была измучена, и у меня не осталось сил бороться. Мать безжалостно заставила меня одеться, а отец втолкнул в машину. Перед церковью я отпихнула их, чтобы броситься в объятия Феликса. И с этого момента больше не отходила от него. Когда прибыл катафалк, я спрятала лицо у него на груди. На протяжении всей церемонии он что-то шептал мне на ухо, рассказывал о последних нескольких днях, о том, как выбрал для них погребальный наряд: атласное платье для Клары и ее любимая игрушка, которую он положил в гроб, серый цвет Коленова галстука, часы, которые он ему надел – я их подарила Колену на тридцатилетие. Путь до кладбища я проделала с Феликсом. Я стояла в стороне, пока родители не подошли к нам. Они протянули мне какие-то цветы, и отец так сформулировал свою мысль:

– Феликс, помоги ей подойти. Она должна это сделать. Сейчас не время капризничать.

Феликсова рука сжала мою, он вырвал цветы из маминых рук.

– Сделай это не для родителей, а для себя, для Колена и Клары.

Я бросила цветы в яму.

– Я спешил, – сообщил Феликс, подойдя ко мне. – Брось розы, тебе же больно.

Он присел передо мной на корточки, разжал мои пальцы один за другим, забрал розы и положил их на землю. Руки были в крови, но я не чувствовала уколов шипов. Он обнял меня одной рукой за талию и помог подняться.

Мы прошли по кладбищу до крана с водой. Ни слова не говоря, он промыл мне ладони. Взял лейку и наполнил ее. Потом повел меня за собой. Шагал он решительно, безошибочно выбирая нужные повороты. Он отпустил мою руку и начал убираться на могиле, на их могиле, которую я видела впервые. Мои глаза впитывали мельчайшие детали, цвет мрамора, шрифт, которым написаны их имена. Колен прожил тридцать три года, а Клара не успела отпраздновать свое пятилетие. Феликс протянул мне розы:

– Поговори с ними.

Я положила на могилу свой жалкий дар и опустилась на колени:

– Ох, любимые мои... простите... не знаю, что вам сказать...

Мой голос надломился. Я закрыла лицо руками. Мне стало холодно. Мне стало жарко. Мне было плохо.

– Это так тяжело. Колен, зачем ты взял с собой Клару? Ты не имел права уходить, не имел права брать ее с собой. Я так обижена на тебя за то, что ты оставил меня одну, я совсем растерялась. Лучше бы мне уйти вместе с вами.

Тыльной стороной ладони я утирала слезы и шумно всхлипывала.

– Не могу поверить, что вы никогда не вернетесь.

Я ничего не делаю, только все время жду. Дома все для вас готово... Все говорят, это ненормально. Поэтому я уеду. Помнишь, Колен, ты хотел, чтобы мы отправились в Ирландию, а я сказала, что нет, какая же я была глупая... Я побуду там какое-то время. Не знаю, где вы сейчас оба, но вы мне нужны. Наблюдайте за мной, защищайте меня. Я вас люблю...

Я закрыла глаза на несколько мгновений. Потом с трудом поднялась, едва удерживая равновесие. Голова кружилась, и Феликс помог мне твердо стать на ноги. Мы направились к выходу, не оглядываясь и не говоря друг другу ни слова. Перед тем как войти в метро, Феликс остановился.

– Знаешь, до сих пор я не верил тебе, когда ты говорила, что хочешь выкарабкаться, – признался он. – Но то, что ты сделала сегодня, доказывает, что это правда. Я горжусь тобой.

Я позвонила родителям только накануне отъезда. С тех пор, как я сообщила им о своем намерении, они принялись уговаривать меня остаться. Звонили ежедневно, и мой автоответчик не скучал без работы.

– Мама, это Диана.

Фоном шел привычный звук включенного на полную громкость телевизора.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая?

– Готова к отъезду.

– Опять старая песня! Дорогой, это твоя дочь, она по-прежнему хочет уехать.

Раздался скрип ножек стула по плиткам пола, и трубку взял отец.

– Послушай, доченька, ты приедешь к нам на несколько дней и сможешь спокойно собраться с мыслями.

– Папа, все это ни к чему. Я улетаю завтра. Вы так и не поняли, что я не собираюсь снова жить с вами. Я уже большая девочка, мне тридцать два года, в таком возрасте с родителями не живут.

– Ты никогда ничего не делала самостоятельно.

Тебе нужен кто-то, кто будет тобой руководить, ты не в состоянии довести до конца ни одну затею. Так что, честно говоря, отъезд за границу тебе абсолютно не по силам.

– Спасибо, папа, я и не догадывалась, каким камнем на вашей шее была. Ты меня по-настоящему поддержал, теперь я со всем справлюсь.

– Дай мне трубку, ты только заводишь ее, – раздался голос матери за его спиной. – Дорогая моя, папа никогда не был дипломатом, но он прав, ты безответственная. Если бы хоть Феликс с тобой поехал, мы были бы спокойны, пусть он и не самый подходящий спутник. Послушай, до этого момента мы тебя не трогали, думали, что со временем тебе станет легче. Почему ты не пошла на консультацию к психиатру, о котором я говорила? Он бы тебе помог.

– Хватит, мама. Я не хочу психиатра, не хочу жить с вами и не хочу, чтобы меня сопровождал Феликс. Я хочу покоя, понимаете, хочу остаться одна, мне надоело, что за мной постоянно следят. Захотите со мной связаться – номер мобильного вы знаете. И главное, не желайте мне счастливого пути.

Широко раскрытыми глазами я уставилась в потолок. Ждала, когда зазвонит будильник. Всю ночь я не сомкнула глаз. Но то, что я швырнула трубку, не дослушав родителей, не имело к моей бессоннице никакого отношения. Через несколько часов я сяду в самолет, который возьмет курс на Ирландию. Это моя последняя ночь в нашей постели.

Я в последний раз уткнулась на месте Колена, уткнувшись в его подушку. Я терлась носом о любимого плюшевого мишку Клары и заливала слезами его и подушку. Будильник сработал, и я, как автомат, встала.

В ванной я сняла простыню с зеркала и увидела себя впервые за много месяцев. Сорочка Колена болталась на мне. Я наблюдала, как мои пальцы расстегивают пуговицы одну за другой, вот показалось одно плечо, потом другое. Ткань скользнула по телу, и рубашка упала к моим ногам. Я в последний раз вымыла голову шампунем Клары. Выходя из душевой кабины, старалась не смотреть на рубашку, лежащую на полу.

Я оделась как Диана: джинсы, майка и облегающий свитер. Мне показалось, что сейчас задохнусь, и я стала в отчаянии сдирать свитер, чтобы заменить его Коленовой толстовкой с капюшоном. Натянув ее, я снова смогла дышать. Я носила ее и до его смерти и потому дала себе такую поблажку.

Бросив взгляд на часы, я поняла, что времени в обрез. С чашкой кофе и сигаретой в руках выбрала наугад несколько фотографий и сунула в сумку.

Села на диван и стала ждать, когда будет пора выходить, нервно перебирая пальцы. Большой палец зацепил обручальное кольцо. В Ирландии наверняка придется с кем-то общаться, они увидят, что я замужем, и станут расспрашивать, где мой муж, а я не смогу ответить. Расстаться с этим кольцом невозможно, значит, надо его спрятать. Я сняла с шеи цепочку, продела ее в кольцо, снова застегнула и опустила под толстовку, подальше от чужих глаз.

Два звонка нарушили тишину. Дверь открылась – на пороге стоял Феликс. Не говоря ни слова, он вошел и впился в меня взглядом. На его лице явственно проступали следы бурной ночи. Глаза были красными и опухшими. От него разило алкоголем и табаком. Он мог даже рта не раскрывать – я и так знала, что он охрип. Феликс начал выносить мои чемоданы. Многочисленные. Я обошла квартиру, всюду погасила свет, закрыла все двери. Пальцы вцепились в ручку входной двери, когда я ее запирала. Щелчок замка – вот все, что я слышала.

Глава третья

Я стояла возле взятой напрокат машины – чемоданы у ног, руки безвольно опущены, ключи зажаты в ладони. Яростные порывы ветра врывались на парковку, едва не сбивая меня с ног.

С того момента как я вышла из самолета, мне все время казалось, будто я плыву по воздуху. Я автоматически последовала за другими пассажирами, чтобы забрать багаж. Немного позже, у стойки проката, мне удалось понять собеседника, несмотря на непроходимо густой акцент, и подписать договор.

Но когда я подошла к машине, вконец замерзшая, разбитая, измученная, меня придавила мысль, что я по собственной воле влипла не пойми во что. Выбора у меня не оставалось: я хотела оказаться дома, а дом для меня теперь Малларанни.

Мне удалось зажечь сигарету едва ли не с десятой попытки. Пронизывающий ветер не прекращался ни на мгновение, и это начало серьезно действовать мне на нервы. Я еще больше занервничала, когда поняла, что ветер затягивается вместо меня. Поэтому я сразу же выкурила вторую сигарету и только потом стала грузить вещи в багажник. Прикуривая, я подпалила прядь волос, сброшенную мне на лицо очередным порывом ветра.

Наклейка на лобовом стекле напомнила мне о здешнем левостороннем движении. Я завела машину, включила первую скорость, и мотор заглох. Вторая и третья попытки сдвинуться с места также закончились провалом. Мне достался неисправный автомобиль. Я двинулась к будке, где сидели пятеро парней. Они с улыбкой наблюдали за моими мучениями.

– Хочу поменять машину, эта не работает. – Я была раздосадована.

– Здравствуйте, – ответил мне самый старший из них, не переставая улыбаться. – Что у вас стряслось?

– Понятия не имею, она не заводится.

– Ладно, парни, давайте поможем дамочке.

Когда они вышли из будки, я невольно отступила на несколько шагов, настолько меня впечатлили их габариты. “Регбисты, пожиратели баранины”, сказал Феликс. И оказался прав. Они сопровождали меня к машине. Я повторила безуспешную попытку сдвинуться с места. Мотор снова заглох.

– Вы выбрали не ту скорость, – хихикнул один из гигантов.

– Ну нет же, нет... я умею водить машину.

– Переключайтесь на пятую, то есть на пятую по-вашему, и сами увидите.

Теперь он смотрел на меня серьезно, не насмехаясь. Я последовала его совету. Автомобиль тронулся.

– У нас тут все наоборот. Сторона движения, руль, скорости.

– Теперь все в порядке? – спросил меня второй парень.

– Да, спасибо.

– А куда это вы направляетесь?

– В Малларанни.

– Не ближний край. Будьте внимательны на развязках.

– Большое спасибо.

– С нашим удовольствием. До свидания, счастливого пути.

Они мне кивнули и одарили еще одной широкой улыбкой. С каких это пор прокатчики автомобилей стали такими услужливыми?

Проехав полдороги, я почувствовала, что напряжение понемногу отпускает. Испытания ездой и первой развязкой успешно преодолены. По пути я не видела никого и ничего, кроме

овец и ядовито-зеленых полей. До самого горизонта. Ни одной пробки, и дождь не предвиделся.

В голове снова и снова прокручивалась сцена прощания с Феликсом. По дороге от дома до аэропорта мы не произнесли ни единого слова. Он курил сигарету за сигаретой, не глядя на меня. Только в последнюю минуту разжал губы. Мы стояли лицом к лицу, смотрели друг другу в глаза, колебались, не зная, что сказать.

– Ты будешь осторожна? – спросил он.

– Не волнуйся.

– Еще есть время повернуть назад, ты не обязана уезжать.

– Не усложняй. Мне пора на посадку.

Я всегда ненавидела расставания. Сегодняшнее оказалось гораздо более трудным, чем я предполагала. Я прижалась к Феликсу, и он среагировал только через несколько секунд – крепко обнял меня.

– Береги себя, не делай глупостей, – попросила я. – Обещаешь?

– Посмотрим. Иди.

Он отпустил меня, я подхватила сумку и направилась к металлодетекторам. Помахала рукой. Потом протянула паспорт. Проходя контроль, я все время ощущала на себе взгляд Феликса. Но ни разу не обернулась.

Вот я и приехала. Я в Малларанни. Перед домом, выбранным практически наугад. На фотографии в объявлении с его описанием я едва взглянула. Мне пришлось пересечь всю деревню и проехать по ухабистой дороге к пляжу, чтобы добраться до конца моих странствий.

У меня будут соседи – еще один коттедж стоял рядом с моим. Маленькая женщина подошла ко мне и приветственно помахала рукой. Я выдавила улыбку.

– Здравствуй, Диана, я Эбби, хозяйка дома. Хорошо доехала?

– Рада познакомиться с вами.

Она бросила иронический взгляд на протянутую мной руку и только потом пожала ее.

– Послушай, здесь все друг друга знают. А ты не на интервью в отделе кадров. И не вздумай обращаться ко мне “мадам”. Даже из уважения или желания продемонстрировать хорошие манеры, договорились?

Она предложила войти в коттедж, который вскоре должен был стать моим домом. Внутри он показался мне уютным, гостеприимным.

Эбби болтала без умолку, и я пропускала мимо ушей половину сказанного, глупо улыбалась и кивала в ответ. Мне пришлось ознакомиться во всех подробностях с имеющейся кухонной утварью, кабельными телепрограммами, расписанием приливов и отливов, а заодно и церковных служб. На этом месте я ее прервала.

– Пожалуй, это мне не понадобится – я поссорилась с церковью.

– У нас серьезная проблема, Диана. Тебе нужно было разузнать об этом, до того как приезжать сюда. Мы сражались за независимость и за свою религию. Отныне ты живешь среди ирландцев-католиков, которые этим гордятся.

Хорошенькое начало!

– Эбби, мне очень жаль, но...

Она расхохоталась:

– Да расслабься ты, бога ради. Я пошутила. Просто я привыкла ходить к воскресной мессе. Никто не заставляет тебя сопровождать меня. С другой стороны, вот тебе маленький совет: никогда не забывай, что мы не англичане.

– Запомню.

Она с увлечением продолжила экскурсию. На втором этаже моя ванная и спальня. На этой кровати я смогу улечься по диагонали – она вдвое шире обычной двуспальной. Что ж, нормально для страны гигантов.

– Эбби, – прервала я, – спасибо, все прекрасно.

Меня все устраивает.

– Извини меня за излишний энтузиазм, но я так счастлива, что кто-то будет жить зимой в доме. Я ждала тебя с огромным нетерпением. Все, ухожу, устраивайся.

Я проводила ее до крыльца. Она села на велосипед и обернулась ко мне:

– Зайди к нам на кофе, я познакомлю тебя с Джеком. В первую ночь стихии разбушевались, словно приветствуя меня. Ветер грохотал в кронах деревьев, дождь барабанил по стеклам, крыша трещала. Я никак не могла уснуть, несмотря на усталость и очень удобную кровать. Снова и снова восстанавливала в памяти сегодняшний день.

Разгрузка машины оказалась делом еще более сложным, чем ее загрузка: чемоданы были разбросаны по всей гостиной. Когда я осознала, что мне нечего есть, у меня едва не опустились руки. Я бросилась в маленькую кухню. Шкафы и холодильник ломились от еды. Эбби наверняка мне об этом сказала, а я ее не поблагодарила. Стыд, да и только. Ужасно невежливо с моей стороны. Но я ее как-нибудь встречу и обязательно извинюсь. Малларанни действительно крохотная деревня, как она и говорила: главная улица, маленький супермаркет, автозаправка и паб. Никакого риска заблудиться, равно как и растратить все деньги с карточки в бутиках.

Прием, оказанный хозяйкой дома, привел меня в замешательство. Похоже, она рассчитывала на какие-то особые отношения, которые мне вовсе не нужны. Буду максимально оттягивать посещение, ведь я приехала сюда не для того, чтобы общаться с пожилой парой, да и вообще ни с кем знакомиться не намерена.

Я продержалась больше недели, не покидая дом, – запасов, сделанных Эбби, и привезенных сигарет мне хватило. К тому же все это время я потратила на то, чтобы разобрать вещи. Мне трудно было чувствовать себя дома, ничто здесь не напоминало о моей прошлой жизни. Уличные фонари не нарушали темноту ночи, а шум города не оживлял ее. Стоило стихнуть ветру – и тишина становилась гнетущей. Я мечтала, чтобы мои соседи (а они по-прежнему отсутствовали) устроили шумный праздник – тогда мне было бы легче уснуть. Назойливые ароматы саше с травами не имели ничего общего с запахом натертого паркета в нашей квартире, а обезличенные парижские магазины остались далеко.

Я уже жалела, что не вышла на улицу раньше – возможно, тогда удалось бы избежать в универсаме всех этих нацеленных на меня взглядов. Зачем прислушиваться, если и так понятно: я, незнакомка и иностранка, была главной темой их пересудов. Покупатели оборачивались, улыбались мне, кивали. Некоторые со мной заговаривали. Я бурчала что-то в ответ, потому что не привыкла здороваться с людьми, которых встречаю в магазине. Я бродила по отделам: здесь имелось все – продукты, одежда и даже сувениры для туристов. Впрочем, я была единственной, кто по глупости заглянул в этот отдел. Овечки присутствовали везде и во всех видах: на фарфоровых чашках, в мясном отделе – для рагу, и, естественно, в виде пряжи для свитеров и шарфов. Здесь этих зверушек выращивали, чтобы кормиться ими и одеваться в них. Использовали целиком и полностью, словно мамонтов в доисторические времена.

– Диана, рада встретиться с тобой. – Я и не заметила, как подошла Эбби.

– Добрый день, – ответила я, вздрогнув от неожиданности.

– Я собиралась сегодня зайти к тебе. Все в порядке?

– Да, спасибо.

– Нашла то, что тебе нужно?

– Не совсем, тут нет того, что я искала.

- Имеешь в виду свой багет и сыр?
- О... я...
- Не обращай внимание, я пошутила. Взяла все, что надо?
- Думаю, да.
- Пойдем, я тебя познакомлю.

Сияя улыбкой, она схватила меня за руку и стала подводить к разным людям. Я уже несколько месяцев не говорила со столькими людьми сразу. Их доброжелательность понемногу начинала действовать мне на нервы. По прошествии получаса светских реверансов мне наконец-то удалось направиться к кассе. Теперь я выдержу осаду как минимум дней десять. Мне так и не удалось найти предлог, чтобы отказаться от приглашения Эбби – не говорить же, что для визита к ней мне придется выйти из дому. Я лишь сумела выторговать несколько дней, чтобы морально подготовиться.

В доме моих хозяев было хорошо. Я удобно устроилась на диване перед ярко пылающим камином с чашкой обжигающего чая.

Джек оказался гигантом с белой бородой. Его спокойствие уравнивало постоянную восторженность жены. С удивительной естественностью он налил себе пинту гиннеса в четыре пополудни. *Регбисты, пожиратели баранины и любители темного пива*, дополнила я про себя Феликсово описание. А темное пиво сразу же заставило вспомнить Колена.

Тем не менее мне удавалось поддерживать беседу, темой которой я с самого начала сделала хозяйскую собаку, Постмена Пэта, положившего лапы мне на плечи, как только я пришла, после чего прочно устроившегося на моих ступнях. Еще я долго болтала о всякой ерунде, главным образом о погоде, а точнее, о дожде и о том, какой у меня удобный коттедж. Потом я начала уставать.

- Вы здешние? – спросила я их в конце концов.
- Да, но мы жили в Дублине, пока я не вышел на пенсию, – ответил Джек.
- А чем вы занимались?
- Он был врачом, – перебила его Эбби. – Но лучше ты нам расскажи, чем сейчас занимаешься: это гораздо интереснее. А еще мне бы очень хотелось знать, почему ты решила похоронить себя в нашей дыре.

“Похоронить”, вот-вот, ответ содержался в самом вопросе.

- Решила поглядеть на эти края.
- В одиночестве? Почему с такой красивой девушкой никто не приехал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.